

Е Юй снова появился у бамбукового домика. Он был промокшим до нитки, шел, пошатываясь, и, пытаясь подняться на двухметровую террасу, едва не споткнулся о перила и не растянулся во весь рост.

Он рухнул на бамбуковый настил под свесом крыши, отбросив меч в сторону. Только что выплюнув кровь, он снова взялся за тренировку — даже железное тело не выдержало бы такой нагрузки. Судя по воспоминаниям прежнего владельца этого тела, ежедневное фехтование стало глубоко укоренившейся привычкой. Настолько, что даже если бы тело лишилось души, оно продолжало бы тренироваться автоматически.

Какое усердие. По сравнению с оригиналом Е Юй чувствовал себя никчемным домоседом, который только и умел, что сидеть дома за играми да заваливать комнату объедками.

Впрочем... Е Юй протянул руку. Пальцы были красивыми, бледными и тонкими, с легкими мозолями — руки настоящего мечника. Вспоминая то странное, отрешенное состояние, он запоздало осознал: это невероятный мир. Люди здесь владеют боевыми искусствами, причем на грани фантастики. Легкость движений, техника владения мечом, школы... Да это же самый настоящий уся!

Он вдруг рассмеялся, придерживая живот, который ныл от недавнего кровохарканья. Смеялся до тех пор, пока не остался без сил, и перевернулся на спину, глядя на проливной дождь за пределами домика. Приходилось признать: махать мечом и порхать, словно птица, по вершинам бамбука на высоте в десятки метров — это было нереально круто.

Ситуация была в новинку. Ему на халяву досталось мастерство владения оружием, а в голове завертелись обрывки сюжетов о рыцарях, вершащих правосудие, и старых фильмах про боевые искусства. Если не удастся выполнить задание и через год придется умереть, что ж, это можно считать оплатой за год удивительных приключений.

— Демонический владыка Чао Минь? — он зевнул, перебирая в памяти нелепые фрагменты воспоминаний, и наконец с трудом припомнил, кто это такой.

Если секта Куньлунь была величайшей школой добра, то демонический владыка Чао Минь — злейшим из злодеев. Говорили, что он был гением, чей врожденный талант к боевым искусствам казался чем-то божественным. В четырнадцать лет он возник из ниоткуда, без роду и племени, и начал свой путь по захвату власти, бросая вызов всем мастерам подряд. Он прошел с юга на север, убивая каждого, кто имел хоть какое-то имя. Неужели этот жестокий мальчишка решил, что в нашем мире не осталось достойных бойцов?

Когда Чао Минь добрался до девяносто третьей вершины, он прибил вызов прямо к вывеске секты Тяньлю. Десятки учеников, собравшихся там, могли лишь беспомощно наблюдать, как раскалывается их табличка. Этот вызов встревожил мастера Сюй Чэна, главу секты, который в тот момент предавался медитации в пещерах пика Лотоса. Сюй Чэн был одним из самых прославленных мастеров в мире, и Чао Минь пришел именно за ним.

Сюй Чэн явился, словно порыв ветра, и одним ударом отбросил молодого и заносчивого Чао Миня на два шага назад. Тот не разозлился, а рассмеялся, словно ребенок, нашедший долгожданную игрушку. Они сошлись в схватке прямо у ворот секты и сражались с полудня до самого заката следующего дня. Мастерство Сюй Чэна достигло совершенства, и он практически подавлял Чао Миня, чья техника была хаотичной и несистематизированной. Но Чао Минь обладал настолько призрачной и неуловимой легкостью движений, что его просто невозможно было поймать. Он отказывался признавать поражение.

В конце концов, Сюй Чэн был поражен невероятным талантом юноши и пожалел его, не желая губить такой дар. Он решил взять Чао Миня в ученики и наставить на путь истинный, даже несмотря на его жестокий и строптивый нрав. Сюй Чэн верил, что сможет исправить этот кривой росток, и со временем секта Тяньлю обретет величайшего мастера.

Нужно признать, мастер Сюй Чэн, слишком долго проживший в горах, был до наивности простодушен.

Чао Минь согласился стать учеником. За месяц он освоил тайные техники, за три — научился направлять энергию, за пять — постиг первую ступень учения, а за семь — вошел в состояние высшего озарения.

Спустя год Чао Минь ударом меча в спину тяжело ранил доверявшего ему учителя, после чего разрубил вывеску секты, перебил тридцать семь соучеников и легко покинул школу.

В том же году Сюй Чэн скончался от ран, а вся секта Тяньлю поклялась отомстить. В тот же год Чао Минь исчез.

Когда он появился снова, то стал великим демоном, объединившим все силы зла, основал секту Света и сделал своими целями творить зло и сеять хаос, открыто выступив против праведной школы Куньлунь.

Пролистав эти рваные воспоминания, Е Юй невольно вздохнул:

— Да этот тип — просто социопат и психически больной человек.

Что же касается оценки силы Чао Миня, воспоминания прежнего владельца подводили итог: Через двадцать лет я смогу сразиться с нынешним Чао Минем на равных...

Ха-ха-ха, это что, шутка такая?

Е Юй понимал, что через двадцать лет от него самого останется лишь горстка костей. Неужели он должен будет восстать из мертвых и размахивать бедренной костью, пытаясь одолеть Чао Миня? К тому же, даже если Чао Минь будет лениться, он вряд ли остановится в развитии. А Е Юй прекрасно знал себе цену. Если уж прежний владелец — такой талантливый и усердный — нуждался в двадцати годах подготовки, то что делать ему, имея лишь пустую оболочку без

твердости духа для изучения меча? Это что, самовыпил об великого демона?

Учитель, где твоя могила? Я хочу лечь рядом.

Когда глава секты Дунсянь давал ему задание, он думал только о процветании, но совсем не подумал о том, что это самоубийство! Чем он должен убить Чао Миня? Лазерной пушкой или ракетницей? У того ведь в запасе мастерство легкости, которому нет равных в мире.

Е Юй смотрел на небо, затянутое грозowymi тучами, и вокруг него разлилась атмосфера одиночества и безысходности. Порыв ветра пронесся через бамбуковый домик, заставив подвешенные под крышей бамбуковые трубки звенеть, словно музыка. Лицо юноши в белых одеждах, застывшее в бесстрастии, казалось неземным среди этой мрачной зелени. Длинные черные волосы, промокшие насквозь, прилипли к плечам, а длинный меч, прислоненный к перилам, был его единственным молчаливым спутником.

Наконец он встал, прижал руку к животу и, несмотря на дождь, спустился вниз — нужно было накопать побегов бамбука на ужин.

Е Юй так и не нашел здесь кухни, поэтому пришлось использовать для варки супа декоративную фарфоровую вазу, а заодно наколоть бамбуковым мечом рыбы для жарки. Зрение у него теперь было отменным, так что поймать пару рыбешек не составило труда.

Если в дождь развести огонь не удастся, придется есть сырую рыбу.

Это была секта настолько бедная, что в ней остался только один несчастный ученик, которому ко всему прочему приходилось еще и стирать свои вещи самому.

<http://bllate.org/book/22510/2377028>